

**А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ, Д.Б. ЕФИМОВ\***

**«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЛЕВИАФАН»?  
РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ  
СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ – ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ**

*Аннотация.* В данной статье рассматривается явление государственной состоятельности и различные подходы к его концептуализации, использовавшиеся исследователями на протяжении последних десятилетий, различные способы измерения этого концепта, а также весь спектр существующих теорий о взаимосвязи государственной состоятельности с динамикой режимных трансформаций. В эмпирической части работы авторы кластеризуют траектории изменения характеристик государственной состоятельности и политического режима в большинстве государств мира за 1992–2011 гг., после чего сопоставляют траектории между собой и формулируют выводы о подтверждении или опровержении тех или иных гипотез о взаимосвязи политического режима и госсостоятельности. В частности, находят довольно много опровержений гипотезы о примате государственной состоятельности над демократизацией и о невозможности успешного развития состоятельности при жестком авторитарном режиме. Вместе с тем гипотеза о возможности параллельного развития демократии и государственной состоятельности, скорее, находит свое подтверждение.

*Ключевые слова:* государственная состоятельность; демократизация; режимные трансформации; кластерный анализ.

---

\* **Мельвиль Андрей Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан факультета социальных наук, руководитель департамента политической науки НИУ ВШЭ, e-mail: amelville@hse.ru; **Ефимов Дмитрий Борисович**, студент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: dbyefimov@gmail.com;

**Melville Andrei**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: amelville@hse.ru; **Efimov Dmitry**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: dbyefimov@gmail.com.

**A. Yu. Melville, D.B. Efimov**  
**«The democratic Leviathan?» Regime change, state capacity,  
and challenge of interdependence**

*Abstract.* This article discusses the phenomenon of state capacity, the different approaches to its conceptualization used by political scientists over the last decades, various ways of measuring this concept, as well as the whole spectrum of the existing theories about the relationship between state capacity and dynamics of regime transformation. In the empirical part of the article, the authors cluster trajectory changes in the characteristics of state capacity and the political regime in the majority of countries in the world for 1992–2011, then match trajectories between themselves and formulate conclusions about the acceptance or rejection of hypotheses about the relationship of the political regime and state capacity. In particular, there are quite a lot of refutations of the hypothesis about the primacy of the state capacity before the democratization and the impossibility of successful development of state capacity under autocratic regimes. However, the hypothesis about the possibility of parallel development of democracy and state capacity, rather, is confirmed.

*Keywords:* state capacity; democratization; regime transformations; cluster analysis.

### Введение

Интерес к государству и связанной с ним проблематике еще со времен Античности неизменно пульсирует в мировой политической мысли. Начиная с 1980-х годов после предшествующего периода с преимущественным акцентом на теоретические и методологические вопросы, связанные с политическими системами и их функционированием, *государство*, *государственность* (state-ness) и *государственная состоятельность* (state capacity) вновь оказываются в центре интенсивных политологических дискуссий [см.: Evans, Reuschmeyer, Skocpol, 1985; Spruyt, 1994; Frye, 2010; Migdal, 1988 и др.]. Такое смещение аналитического фокуса было связано с разнообразными факторами, в том числе глобального политического характера – обостряющимися проблемами качества управленческих институтов и социально-экономического развития, распространением феномена «несостоятельных» государств, сложностями демократизации и государственного строительства в развивающихся странах, распадом коммунистической системы и становлением новых независимых государств.

В политической науке в целом и в изучении государственного управления в частности в последние два десятилетия сохраняется устойчивый бум новых теоретических исследований и прикладных разработок, связанных с проблематикой государства, государственности, государственной состоятельности. Особое внимание уделяется изучению влияющих на них факторов и их последствий для экономического и социального развития, эволюции социального и человеческого капитала, динамики режимных изменений и др. [Fukuyama, 2004; Back, Hadenius, 2008; Fortin, 2010; Ильин, 2005; Мелешкина, 2011; Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2012; Melville, Stukal, Mironyuk, 2013 и др.]. Среди важных факторов, сказывающихся на направлении и ходе современных сравнительных исследований, выделяются реальные и остро стоящие сегодня проблемы качества существующих государственных институтов в развитых и развивающихся странах, возможности и пределы институциональных заимствований, феномен «несостоятельных» государств, вопрос о последовательности экономических и политических реформ в трансформирующихся обществах и др.

Отдельное исследовательское направление связано сегодня с теоретически значимой и политически крайне актуальной проблематикой, касающейся *взаимосвязи* политических режимов (разных типов) и режимных изменений (в разных направлениях) с государственностью и государственной состоятельностью. Ее отдельный и крайне важный срез – проблема *последовательности* (так наз. sequencing<sup>1</sup>) государственного строительства, становления и развития управленческих институтов, одной стороны, и демократических реформ и преобразований – с другой. Основное содержание этой проблемы заключается в следующем: является ли формирование и развитие эффективных государственных институтов (прежде всего – принуждающего характера) необходимым предварительным условием для последующей демократизации или же оба процесса могут быть взаимодополняющими и развивающимися параллельно? Иными словами, какова оптимальная последовательность реформ и преобразований, способных привести к формированию в новых независимых государствах своего рода «демократического

---

<sup>1</sup> Проблема «sequencing» породила чрезвычайно интенсивную теоретическую и политическую дискуссию [Carothers, 2007; Mansfield, Snyder, 2007; Weinstein, Halperin, 2004; Fukuyama, 2004 a; Fukuyama, 2007; Berman, 2007; MacLaren, 2009].

Левиафана» – эффективной государственной власти и демократических институтов?

Ниже мы рассматриваем основные параметры и направления попыток концептуализации и разработки эмпирических индикаторов государственной состоятельности. Мы также проанализируем основные существующие в современной литературе теоретико-методологические подходы к проблеме sequencing и предложим собственный опыт ее эмпирического анализа, в том числе в более широком контексте обозначенной выше проблемы взаимосвязи режимных изменений и государственной состоятельности. В Заключении будут сформулированы основные выводы осуществленного нами анализа и предложены перспективные направления для дальнейших исследований.

### **Понятие государственной состоятельности: История, подходы, проблемы**

Обращение политических исследователей к изучению понятия государственной состоятельности не могло не быть связано с общим повышением интереса к тематике государства как объекта для политологического анализа. После фокуса на менее объемном понятии индивидуальных акторов (в бихевиоральном подходе) и фокуса на, напротив, более объемном понятии политических систем (в подходе системном) политическая наука с конца 1960-х – начала 1970-х годов возвращается к анализу государства как основополагающего, структурирующего разнообразные политические конструктора. Работы Дж. Неттла [Nettl, 1968], Ч. Тилли [Tilly, 1975], П. Эванса с соавторами [Evans, Rueschemeyer, Skocpol, 1985] ознаменовали основные вехи нового прилива интереса к проблематизированию государства и его влияния на социально-политические процессы. В числе характеристик государства, выделенных и с той или иной степенью успеха проанализированных, одно из основных мест и заняла государственная состоятельность.

Но даже в современной литературе, несмотря на ведущиеся бурные и в целом весьма плодотворные теоретико-методологические дискуссии, а во многом и вследствие таковых, нет полного согласия относительно ключевых параметров проблематики государственной состоятельности, ее компонентов, показателей и последствий,

в том числе в контексте общественных трансформаций и режимных изменений<sup>1</sup>. Тем не менее в ходе этих дискуссий можно выделить, по крайней мере, некоторые общие узловые моменты, связанные с концептуализацией и способами измерения государственной состоятельности.

Фундаментальным предположением, распространенным в большей части существующих в политической науке исследований понятия государственной состоятельности, является четкая ассоциация этой характеристики государства с возможностью эффективного формулирования и реализации им собственной внутренней и социально-экономической политики, достижения поставленных целей в политике, экономике и социальной сфере [Kjaer, Hersted, Thomsen, 2002]. Этот подход перекликается и со многими концепциями в смежных науках, в частности менеджменте: эффективность управления заключается в возможности обеспечить процессы принятия правильного решения и качественной его реализации [Adizes, 2004]. Но это внешнее согласие таит в себе множество противоречий и проблем, связанных с необходимостью дать концептуальные определения различным компонентам государственной состоятельности, определить их соотношение между собой в статике и в динамике, изучить факторы влияния и разнонаправленные последствия государственной состоятельности для социально-политических, экономических, внутри- и внешнеполитических аспектов существования государства и общества.

Своего рода отправным методологическим пунктом такого анализа может служить едва ли не классическое различие между «формами» правления (во многом – режимными характеристиками) и «степенью» управляемости, предложенное еще С. Хантингтоном [Huntington, 1968]. Основной смысл этого принципиально важного аргумента применительно к рассматриваемой нами проблематике заключается в необходимости и важности учета и конкретного рассмотрения особенностей взаимовлияния уровней государственной состоятельности и характеристик политических режимов, а также их собственной и взаимообусловленной динамики. В свою очередь, постановка такой задачи предполагает определение теоретико-методологической позиции в отношении содержательного

---

<sup>1</sup> По словам К. Хендрикса, государственная состоятельность – это «концепт все еще в поисках точных определений и измерений» [Hendrix, 2010, с. 273].

понимания компонентов государственной состоятельности в их связи с влияющими на них факторами и их последствиями / результатами.

В данном контексте важной также является базовая логика Ч. Тилли, в соответствии с которой ключевыми характеристиками и базовыми функциями государства являются его способности извлекать ресурсы и создавать управляющий ими административно-бюрократический аппарат, чтобы иметь возможность вести войны [Tilly, 1990]. По крайней мере, имплицитно здесь также содержится определенное представление о государственной состоятельности, вытекающее из качества реализации отмеченных выше государственных функций<sup>1</sup>.

М. Манн, концептуальные разработки которого оказали значительное влияние на ход современных дискуссий по рассматриваемой проблематике, различает два типа государственной состоятельности – «принуждающую состоятельность» (*despotic, coercive capacity*) и «инфраструктурную состоятельность» (*infrastructural capacity*) [Mann, 1984]. Первая по сути дела отсылает нас к веберовскому тезису о монополии на принуждающее насилие и представляет собой своего рода базовую способность государственного состояния *sine qua non*: нет принуждающей способности – нет и государства как такового. Вторая же, по его мысли, отражает реальные различия между существующими государствами в части их возможностей по формулированию и воплощению своей экономической, социальной и иной политики на всей своей территории и получаемым результатам. Именно второе – «инфраструктурное» – понимание государственной состоятельности задает основные теоретико-методологические параметры одного из влиятельных направлений в современных исследованиях государственной состоятельности [Fortin-Rittberger, 2014; Soifer, 2014; Soifer, Nau, 2014].

С различием «принуждающей» и «инфраструктурной» состоятельности связан и такой часто дискутируемый сегодня в литературе вопрос, как оппозиция «*сильных*» и «*слабых*» государств [Rotberg, 2007]. Это достаточно распространенная, хотя и вызывающая определенные сомнения точка зрения. Во-первых, в литературе существуют разные определения «силы» и «слабости» (ко-

---

<sup>1</sup> Сходная позиция прослеживается и в некоторых современных исследованиях. См.: [Gennaioli, Voith, 2015].

торые, к тому же, часто лишены аналитической строгости). Во-вторых, использование государством силы / насилия (особенно в отношении гражданского общества) может быть свидетельством как раз недостаточной государственной состоятельности. Далеко не всегда понятно, каковы источники и факторы этой «силы» – слабость оппозиции, репрессивные возможности и монополия исполнительной власти, монопольный контроль над политическим процессом, партийной системой, средствами массовой информации и пр.? Заметим при этом, что данный вопрос имеет не только теоретический, но зачастую и вполне прикладной политический характер.

Переходя к обобщению существующих в политической науке подходов к определению компонентов государственной состоятельности, следует еще раз отметить, что они базируются во многом на различных традициях представлений о функциях государства. Исследователи, опирающиеся на марксистскую или олсоновскую традицию понимания государства, будут склонны к выделению фискально-экономических и принудительных функций государства, функций извлечения средств из подвластного населения и принуждения его к тем или иным повинностям. Исследователи, опирающиеся на вебериянскую традицию мысли и представление о государстве как единственном акторе в политической системе, имеющем право и возможность осуществлять легитимное насилие, также будут склонны к выделению принудительных функций государства. Исследователи, опирающиеся на институционалистскую традицию воззрений на политические системы, будут склонны к выделению административно-институциональных функций государства, способствующих установлению четких «правил игры» в обществе, повышению качества государственного управления и т.д. Из этих и примыкающих к ним традиций политической мысли и формируются три основных подхода к определению компонентов государственной состоятельности: (а) *фискально-экономический*, (б) *административно-бюрократический* и (в) *военно-принудительный*.

Многие современные исследователи рассматривают различные сочетания этих трех основных компонентов. Ф. Фукуяма, например, выделяет следующие аспекты государственной состоятельности: обеспечение обороны; поддержание закона и порядка; обеспечение прав собственности; защита неимущих; здравоохранение.

нение; образование; защита окружающей среды; поддержка безработных; макроэкономическое регулирование; содействие развитию рынков и др. [Fukuyama, 2004]. Ц. Робертс и Т. Шерлок говорят о трех измерениях (аспектах) государственной состоятельности: институциональном; политическом и административном [Roberts, Sherlock, 1999]. Для К. Хендрикса государственная состоятельность – это военная способность; бюрократически-административная способность и качество политических институтов [Hendrix, 2010]. В рамках индекса трансформации Бертельсмана государственная состоятельность трактуется как один из критериев оценки уровней демократии в переходных странах. С этой точки зрения ее компоненты включают в себя монополию государства на применение насилия на своей территории; согласие относительно гражданства; разделение конституционного порядка и религиозной догматики; а также существование функционирующей административной структуры [Transformation index... 2016]. Из числа современных авторов к выделению и фиксации всех трех основных компонентов государственной состоятельности наиболее близко подошли Дж. Хансен и Р. Сигман, которые выделяют три аспекта государственной состоятельности: способность к налогообложению, способность к принуждающему насилию и административную способность [Hansen, Sigman, 2011].

Первый из обозначенных компонентов, *фискально-экономический*, является и самым популярным, по крайней мере, в современной мировой литературе. В широком смысле он включает в себя *способность государства извлекать ресурсы у подконтрольного ему населения, а также направлять эти ресурсы на решение тех или иных задач*. Предполагается, что государство, действуя в логике стационарного бандита М. Олсона [Olson, 1993], будет в той степени более состоятельным, в какой оно сумеет добиться увеличения возможных налоговых поступлений от собственного населения. С другой стороны, чем больше государство может позволить себе тратить, тем оно также в большей степени может считаться состоятельным – тем больший фундамент у проводимой им политики. Для оценки такого компонента государственной состоятельности в первую очередь подходит такой индикатор, как *фискальные возможности*, т.е. *общая собираемость налогов*, с помощью которых государство способно достигать поставленных целей.



Как правило, в существующих исследованиях этот параметр предлагается исчислять как соотношение собираемых налогов к ВВП, хотя существуют и другие варианты – соотношение только подоходного налога к ВВП, соотношение подоходного налога к сумме всех налогов, соотношение всех налогов, кроме торговых и косвенных, к сумме всех налогов в целом, а также соотношение реальной величины извлекаемых налогов к ожидаемой исходя из предикторов социально-экономического развития страны и ежегодные подушевые налоговые поступления [Besley, Person, 2010; Schmitter, Wageman, Obydenkova, 2005; Gehlbach, 2008; Fykyuyama 2004 и др.].

В целом это вполне логичный и распространенный подход, но вместе с тем необходимо учитывать некоторые встроенные в него ограничения. Например, нерешенной проблемой в таком случае остается так называемая «теневая» экономика, которая не учитывается в этом параметре [см., например: Ottervik, 2013; Hendrix, 2010]. Кроме того, при осуществлении эмпирических сравнительных исследований, прежде всего применительно ко многим посткоммунистическим и значительной части развивающихся стран в целом, необходимо принимать во внимание такую проблему, как так называемые «пропущенные данные», в частности отсутствие достоверной статистики о реальной собираемости налогов. В качестве альтернативы предлагаются и реально используются другие показатели, например, так или иначе связанные с уровнями *ВВП на душу населения*. Необходимо, однако, учитывать, что это тоже не лучшее решение – хотя бы потому, что в ВВП на душу населения могут быть «защиты» и другие показатели, напрямую не связанные с уровнями государственной состоятельности. Поэтому при возможном использовании этого индикатора нужно принимать во внимание также встроенные в него ограничители.

Среди других используемых альтернативных индикаторов для измерения этого компонента государственной состоятельности – *доля государственной собственности в экономике* [Thies, 2010], *уровень инфляции* [Besley, Persson, 2008], *процент государственных расходов в ВВП* [Fjelde, De Soysa, 2009]. Каждый из этих индикаторов еще в большей степени, чем ВВП на душу населения, обременен теми или иными проблемами – в частности тем, что они в еще большей мере отражают концепты, не связанные напрямую с государственной состоятельностью. Применение подобных

индикаторов всегда должно сопровождаться осторожностью со стороны исследователя.

Второй из обозначенных компонентов, *административно-бюрократический*, по популярности в современной литературе лишь немного уступает первому. В широком смысле он включает в себя *способность государства определять и эффективно, без вмешательства каких-либо посторонних факторов вроде коррупции, реализовывать политику и качественное государственное управление* – обеспечивая при этом защиту таких ценностей и работу таких институтов, как *защита прав собственности, исполнение контрактов, внутренний порядок и безопасность*. Предполагается, что государство, которое может обеспечить своим гражданам вышеперечисленные условия и на этом фоне имеет возможность грамотно и эффективно определять собственный политический и социально-экономический курс, по определению является куда более состоятельным, нежели государство, которое этого обеспечить не может. Эмпирическая оценка этого компонента государственной состоятельности, однако, сталкивается с проблемой: определение пригодных для сравнительного анализа индикаторов качества институтов как важного показателя государственной состоятельности также является непростой задачей. Одна из основных сложностей здесь – множественность измерений качества управленческих институтов и различные концептуальные подходы, влияющие на выбор конкретных показателей или их сочетаний.

В некоторых случаях для решения этой задачи используются уже существующие информационные базы и формируемые на их основе индексы. Крайне распространенными источниками являются *индексы качества государственного управления* – Quality of Government (QoG) по версии одноименного проекта Гётеборгского университета [Data, 2015] и Worldwide Governance Indicators (WGI) [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2011], рассчитываемые по методике Всемирного банка [см. Charron, Lapuente, 2010; Bratton, Chang, 2006]. В ряде исследований для этого используются индексы «бюрократического качества», рассчитываемые по известной базе данных International Country Risk Guide [International Country Risk Guide, 2007; Back, Hadenius, 2008].

Другие походы к измерению качества управленческих институтов опираются не столько на существующие индексы, сколько на отдельные специально отобранные показатели, используемые как

так называемые «прокси-переменные», т.е. «замещающие» те переменные, значения которых не выявляются непосредственным образом при попытках измерения уровней государственной состоятельности в разных странах. Это, например, *соблюдение прав собственности и деловых контрактов* [Soifer, Hau, 2008], *уровни коррупции, контроль над коррупцией* [Bacq, Hadenius, 2008], *гарантии прав «физической целостности»* (physical integrity), понимаемой как обеспечение личной безопасности и неприкосновенности и рассчитываемой по отдельным показателям специальной базы данных Cingranelli-Richards Human Rights Data Project (CIRI) [Cingranelli, Richards, 2010], разработанной и поддерживаемой Д. Сингранелли и Д. Ричардсом. В. Попов предлагает еще две «прокси-переменные» для измерения государственной состоятельности – *уровень убийств на 100 тыс. населения* (по данным Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка) и *процент теневой экономики в ВВП*, прежде всего тоже по данным Всемирного банка [Попов, 2011]. Распространенным и в целом удачным индикатором являются также *«контрактные деньги»* (contract intensive money, CIM), используемые в качестве показателя доверия к финансовым институтам и рассчитываемые по показателям Международного валютного фонда [Fortin, 2010]. Возможным его заменителем является индикатор *доли частных кредитов от ВВП* (это также коррелирует с доверием к финансово-экономическим институтам страны) [Persson, Besley, 2009]. Также в ряде исследований используется индекс *легкости ведения бизнеса*, разработанный и поддерживаемый Всемирным банком [Cardenas, 2010].

Наконец, третий из компонентов государственной состоятельности, *военно-принудительный*, в современных исследованиях куда менее популярен, однако остается теоретически очень значимым. В широком смысле он включает в себя *способность государства и его лидеров принуждать своих граждан к повиновению, эффективность потенциального использования ими силы*. Эта трактовка state capacity, как отмечалось выше, проистекает еще из веберовского определения государства как института, обладающего монополией на легитимное насилие – именно государство, которое может эффективно осуществлять эту основную свою функцию, лежащую в основе собственного определения, будет более состоятельным. Другим источником этой трактовки является выдвинутое

Манном и упомянутое ранее разделение на деспотическую и инфраструктурную власть. Для измерения этого компонента государственной состоятельности в существующих исследованиях используются, прежде всего, показатели, отражающие военную мощь и милитаризацию страны (доля военнослужащих от общей численности населения или рабочей силы, военные расходы на душу населения и как процент от ВВП, степень контроля легальных политических институтов над военными из Institutional Profiles Database [Institutional Profiles Database III, 2009], степень владения монополией на использование силы на своей территории из Bertelsmann Transformation Index) [Fortin-Rittberger, 2014; Thompson, 2016].

Использование всех этих индикаторов также сопряжено с очевидной проблемой: они не совсем подходят для мирных демократических государств, обеспечивающих верховенство права и статус единственного имеющего право на легитимное насилие на своей территории посредством не военных инструментов. В разных исследованиях, пытающихся операционализировать этот компонент государственной состоятельности, используются также иные прокси-индикаторы, в том числе, к примеру, степень ограничений на власть лидера страны из Polity IV [Marshall, 2016 b; Fortin-Rittberger, 2014] и измерения степени контроля чиновников локального уровня со стороны центральной власти [Edin, 2003].

Итак, в современном аналитическом арсенале существуют весьма различные теоретико-методологические и эмпирические подходы к концептуализации и измерению государственной состоятельности. Очевидно, что какие-либо идеальные варианты здесь вряд ли возможны – особенно с учетом *многомерности* проблемы и ее различных измерений, особенностей и разновидностей аналитического фокуса, неявного характера причинно-следственных зависимостей и др. Тем не менее мы имеем дело с относительно ясно очерченным кругом важных и актуальных исследовательских вопросов, в том числе имеющих прикладной политический характер, оригинальными вариантами исследовательских методологий, а также богатой информационной базой, позволяющей проводить эмпирическую проверку предположений и гипотез.

С теоретико-методологической точки зрения важными различиями в исследовательских ракурсах являются также два основных альтернативных варианта использования государственной состоятельности (прежде всего в эмпирическом анализе) – как *зависимой* и

*независимой* переменной. В первом случае фокус внимания исследования обращен на выявление эмпирическим путем совокупности разнородных факторов (экономических, социальных, политических и иных), которые потенциально могут оказывать либо реально оказывают влияние на качество государственной состоятельности в разных странах. Среди таких факторов – уровни экономического и социального развития, качество человеческого капитала, режимные характеристики и др. Во втором – сама государственная состоятельность (независимо от ее концептуализации) рассматривается как фактор влияния на различного рода эффекты и последствия. Например, на все те же уровни экономического и социального развития, место и положение того или иного государства в системе мировой политики, конкретные режимные характеристики и др. Наконец, возможен и третий вариант – когда сама по себе государственная состоятельность не выступает ни зависимой, ни независимой переменной, поскольку сама по себе не оказывает влияния на тот или иной процесс, но оказывается тесно связанной с одним из участников этого процесса, уже непосредственно осуществляющим влияние. В этом случае можно говорить о роли государственной состоятельности как инструментальной переменной.

Прежде чем приступать к результатам осуществленного нами опыта эмпирического анализа одного из важных аспектов рассматриваемой проблематики, рассмотрим еще одно лежащее в его основе и крайне важное измерение государственной состоятельности – ее взаимосвязь с другими переменными, используемыми в межстрановых исследованиях, а именно проблематикой режимных трансформаций и демократизации. Статус этой взаимосвязи и места государственной состоятельности в ней – на одной из упомянутых выше позиций зависимой, независимой или инструментальной переменной, либо в какой-либо иной роли – представляет собой предмет долгих и обстоятельных дискуссий в политической науке.

### **Государственная состоятельность и демократизация: Неоднозначность взаимосвязи**

Само по себе наличие взаимосвязи государственности, государственной состоятельности и демократии / демократизации не вызывает сомнений – с точки зрения как теоретического, так и эм-

пирического анализа. Рассматривая проблему в более широком контексте связи государственной состоятельности с политическим режимом в стране, в рамках теоретических рассуждений можно прийти к совершенно различным выводам: исследователи выдвигают предположения о линейном росте качества государственного управления (как было выяснено ранее, одного из основных компонентов государственной состоятельности) при движении от менее демократического к более демократическому порядку, о зависимостях по моделям *J-кривой* и *U-кривой*, а также иные варианты, согласно данным большинства исследований, относительно высокие уровни государственной состоятельности способствуют стабилизации авторитарных режимов и препятствуют демократизации. Но они же способствуют выживаемости новых демократий [Kuthy, 2010]. Другой распространенный вывод сводится к тому, что демократизация на начальных стадиях режимных изменений ослабляет государственную состоятельность [Schmitter, Wageman, Obydenkova, 2005; Back, Hadenius, 2008].

Критика государственной состоятельности гибридных режимов переключается с логикой аргументации в моделях «демократуры» и «диктабланды» О’Доннела и Шмиттера [O’Donnell, Schmitter, Whitehead, 1986], рассматривающих их как переходные и неустойчивые, в том числе с точки зрения качества выполнения собственных функций, состояния «мягкой диктатуры» и «жесткой демократии» при переходе от авторитарного к демократическому правлению, и «демократуры» Адизеса, предусматривающей, в целях эффективного управления, демократическое принятие решений и авторитарную их реализацию: в условиях режимов как без устоявшихся демократических, так и без твердых авторитарных политических институтов корректная работа сразу обеих частей механизма эффективного управления оказывается под угрозой [Adizes, 2004]. Необходимо при этом подчеркнуть, что большинство данных исследований не позволяет говорить о сколько-нибудь четком направлении причинно-следственной зависимости, а вместо этого говорит только о тех или иных корреляциях [Fortin, 2011].

В контексте же проблемы каузальности государственная состоятельность в рамках анализа ее связи с процессом демократизации предстает либо в роли независимой переменной, от значения которой зависит успех процесса демократизации, либо в роли инструментальной переменной, связанной с демократическими ин-

ститутами, но развивающейся параллельно с ними в рамках общего процесса реформ государственного устройства. Есть и отдельные модели, в рамках которых государственная состоятельность и демократия оказываются не связаны друг с другом.

За первой из обозначенных вариантов логики стоит хорошо развернутая система аргументации, суть которой может быть выражена в базовом тезисе *Stateness First*, т.е. государственность и государственная состоятельность как предварительные условия для демократизации [Rustow, 1970; Linz, Stepan, 1996; Tilly, 1990]. Из этого следует предположение, что современная демократия и демократизация невозможны без относительно высокого уровня государственной состоятельности [Fukuyama, 2007; Mansfield; Snyder, 2007; Moller, Skaaning, 2011]. В противном случае без качественных институтов демократизация чревата социально-политическим хаосом и экономической деградацией [Полтерович, Попов, 2006].

В целом с учетом имеющихся теоретических аргументов и эмпирических свидетельств, нельзя не согласиться, что демократизация оказывается более эффективной после достижения относительно высокого уровня государственной состоятельности, в том числе в ее «принуждающем» аспекте [D'Arcy, Nistotskaya, 2015]. С этим трудно спорить, но проблема sequencing, тем не менее, заключается в другом – может ли демократизация идти параллельно процессу выстраивания эффективных государственных институтов? Представленная выше аргументация ответа на этот вопрос не дает.

Второй вариант исследовательской логики – государственная состоятельность как инструментальная переменная – связан с важным и альтернативным тезисом: условно о *Democratization Backwards / Building the Ship of State at Sea* (выражение Р. Роуза и Д.Ч. Шина [Rose, Shin, 2001]. Его главный смысл в вопросе о возможности одновременного и взаимно подкрепляющего государственного строительства, укрепления качества управленческих институтов и демократизации, демократических реформ. Эта линия аргументации убедительно представлена в работах [Bratton, Chang, 2006; Carbone, Memoli, 2011/2012 и др.].

В последнее время появился целый ряд теоретических и эмпирических исследований, свидетельствующих в пользу такой возможности. Так, [Mazzuca, Munck, 2014] в своем сравнительном анализе с использованием эмпирического материала показывают,

как демократия и демократизация могут способствовать решению проблем государственного строительства в развивающихся странах. Эта же позиция подтверждается и в других работах [Slater, 2008].

Третий вариант логики, предусматривающий отсутствие какой бы то ни было сильной взаимосвязи между государственной состоятельностью и демократизацией, может быть охарактеризован тезисом *Democratization Without a State* – иными словами, в современном взаимозависимом мире государственность и государственная состоятельность вовсе не обязательны как предпосылка демократии. Строго говоря, это логически и теоретически возможная, но в содержательном отношении совершенно маргинальная позиция [Tansey, 2007]. Как бы то ни было, эта аргументация совершенно не приоритетна в контексте рассматриваемой нами проблематики<sup>1</sup>.

Наконец, в отношении рассматриваемой нами проблематики возможна и четвертая линия аргументации – условно говоря, *Stateness Without Democratization*. Здесь центральный аргумент сводится к рассмотрению и обоснованию своего рода «авторитарного равновесия», при котором диктатуре нет никакой нужды в создании, развитии и укреплении тех или иных демократических институтов для развития или поддержания на сравнительно высоком уровне государственной состоятельности, поскольку она добивается этого и с использованием имеющихся в ее распоряжении недемократических политических институтов. Это в контексте нашей проблематики, разумеется, тоже предельная позиция, но важная и вполне представительная [см.: Wintrobe, 1990; Clague, 1996; Weede, 1996; *The logic of political survival*, 2003; Haber 2006; Gandhi, Przeworski, 2007; Besley, Kudamatsu, 2009; Svolik, 2012; Boix, Svolik, 2013; Roller, 2013; McGuire, 2013; Guriev, Treisman, 2015; Knutsen, Nygård, 2015 и др.].

Далее, в ходе сравнительного анализа на материале основной выборки государств мира за 1992–2011 гг. мы осуществляем эмпирическую проверку существующих гипотез относительно взаимосвязи режимных характеристик и их трансформаций, с одной стороны, и государственной состоятельности – с другой, а наиболее подробно останавливаемся на гипотезе, связанной с проблемой sequencing – а именно предположения, что процессы госу-

---

<sup>1</sup> Подробнее об этих подходах см.: [Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2012].



дарственного строительства, укрепления государственной состоятельности, с одной стороны, и демократизация, формирование демократических институтов и практик – с другой, могут быть взаимодополняющими и идти параллельно друг другу.

### **Эмпирический анализ и проверка гипотез о взаимосвязи режимных изменений и государственной состоятельности**

В основе представленного ниже эмпирического анализа – выборка, включающая 162 государства, в том числе 28 посткоммунистических, 35 азиатских и 18 европейских (за пределами бывшего коммунистического лагеря), 50 африканских, 14 северо- и центральноамериканских, 12 южноамериканских и пять государств Океании. Происходит оценка и сопоставление траекторий режимных трансформаций за 1992–2011 гг. и траекторий достижения тех или иных уровней государственной состоятельности за тот же период<sup>1</sup>.

Оценка траекторий режимных трансформаций осуществляется, исходя из усредненного и стандартизированного на промежуток от 0 до 10 индекса демократичности политического режима по соответствующим индикаторам Polity IV [Marshall, 2016 b] и Freedom in the World [Global country status overview, 2015]. Измерение динамики государственной состоятельности осуществляется на основе трех ее рассмотренных выше концептуальных компонентов, каждый из которых, в свою очередь, рассчитывается, исходя из значений нескольких прокси-переменных.

Первый концептуальный компонент – *фискально-экономический* – измеряется нами с учетом обозначенных выше ограничителей в отношении доступных данных, с использованием показателей ВВП на душу населения (усредненное по базе данных проекта Мэдисона [Bolt, Zanden, 2014] и World Penn Tables [Feenstra, Inklaar, Timmer, 2015]) и индикатора Relative Political Capacity (co-

---

<sup>1</sup> Пространственный и временной состав выборки обусловлены степенью доступности необходимых для эмпирических расчетов данных, а также представлениями об общей – чрезвычайно противоречивой – динамике процессов демократизации в мире после окончания холодной войны (как в бывшем социалистическом лагере, так и среди недемократических режимов, поддерживавших связи с США и их союзниками) [Levitsky, Way, 2010].

отношение реальной величины различных экономических показателей страны, в том числе налоговых сборов, к ожидаемой исходя из предикторов социально-экономического развития страны) из базы данных Relative Political Capacity Dataset [The performance of nations, 2012], путем умножения показателей друг на друга, логарифмирования получившегося произведения и его z-стандартизации.

Второй концептуальный компонент – *административно-бюрократический* – измеряется нами на основе среднего по доступным для данной страны в данный год предварительно агрегированным и стандартизированным путем использования метода главных компонент или z-преобразования различным показателям качества государственного управления (компоненты Investment Profile, Corruption, Bureaucracy Quality, Socioeconomic Conditions из базы данных International Country Risk Guide [International Country Risk Guide, 2007]; компоненты Government Effectiveness, Regulatory Quality и Control of Corruption из базы данных Worldwide Governance Indicators [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2011]; компонент Physical Integrity Rights из базы данных Cingranelli-Richards [Cingranelli, Richards, 2010], свидетельствующий, в том числе, о степени соблюдения индивидуальных прав и верховенства закона).

Третий концептуальный компонент – *военно-принудительный* – рассчитывается на основе среднего по доступным для данной страны в данный год четырем индикаторам: (1) агрегированные методом главных компонент показатели Government Stability, Internal Conflict, Law and Order из базы данных International Country Risk Guide; (2) агрегированные методом главных компонент показатели Stability and No Violence и Rule of Law из базы данных Worldwide Governance Indicators; (3) стандартизированный z-преобразованием индекс интенсивности внутренних конфликтов из базы данных Major Episodes of Political Violence [Marshall, 2016 a]; (4) стандартизированная z-преобразованием по каждому году логарифмированная величина военных расходов на душу населения из базы данных National Material Capabilities версии 4 [Singer, Bremer, Stuckey, 1972]. Индексы, соответствующие концептуальным компонентам государственной состоятельности, затем агрегируются в единый индекс путем использования метода главных компонент.

Для эмпирического анализа, как уже отмечалось, избран временной промежуток 1992–2011 гг., на который пришлось мно-

жество политических трансформаций во всем мире, причем идущих в разных направлениях. Необходимо также учитывать, что в этот период в целом ряде стран имела место и противоречивая *нелинейная режимная динамика*, в том числе своего рода «взлеты» и «падения», в результате которых переходили из одних кластеров в другие.

Методология дальнейшего анализа базируется на иерархической кластеризации траекторий режимных трансформаций (в одном случае) и трансформаций государственной состоятельности (в другом). Переменными для каждой из реализаций кластерного анализа выступают, соответственно, значения демократии и государственной состоятельности в каждый год на промежутке 1992–2011 гг. В анализе используется метод Варда, минимизирующий необъясненную полученной классификацией информацию, в качестве метрики «расстояния» между странами и их кластерами используется квадрат расстояния Евклида.

В ходе проведенного анализа были выделены несколько основных кластеров по различным основаниям – в соответствии с используемыми индексами демократии – автократии и государственной состоятельности. По критерию режимных траекторий это: (а) демократии в течение всего периода; (б) автократии в течение всего периода; (в) равномерная демократизация от авторитарных режимов до несовершенных демократий в течение всего периода; (г) трансформации гибридных режимов, близких к демократиям; (д) трансформации гибридных режимов, близких к автократиям. По критерию траекторий динамики государственной состоятельности это: (а) стабильно очень высокая состоятельность в течение всего периода; (б) стабильно высокая состоятельность в течение всего периода с тенденцией к росту в конце периода; (в) стабильно низкая состоятельность в течение всего периода с тенденцией небольшого роста в 2000-е; (г) трансформации государств с состоятельностью сильно ниже среднего; (д) трансформации государств со средней состоятельностью; (е) трансформации государств с состоятельностью несколько выше среднего). В свою очередь, последние два из пяти кластеров режимных траекторий и последние три из шести кластеров траекторий развития *state capacity* были подвергнуты углубленному кластерному анализу, выделившему различные конкретизированные варианты трансформаций. Дендрограммы общей кластеризации представлены на рисунке.

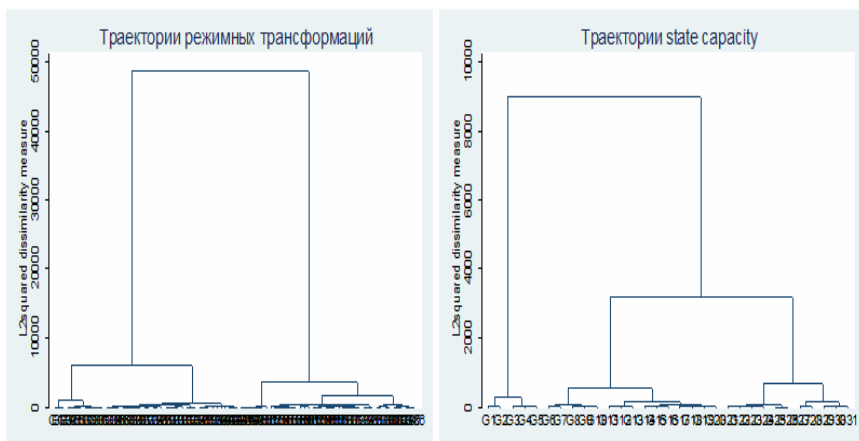


Рис.

**Дендрограммы кластеризации данных по трансформациям за 1992–2011 гг. показателей демократичности политического режима (слева) и государственной состоятельности (справа)**

После проведения дополнительного анализа по наиболее неоднозначным (и, как следствие, в наибольшей степени интересующим нас) кластерам мы сопоставляем для каждой страны траекторию ее режимных трансформаций и траекторию ее успехов или неудач в сфере достижения и упрочения государственной состоятельности. Перечисление и краткий анализ получившихся в результате таких сопоставлений групп стран со схожими связями траекторий демократизации и государственной состоятельности представлены далее. Следует особо отметить, что государства с противоречивыми траекториями режимных изменений или укрепления либо ослабления состоятельности, а также с траекториями, входящими в противоречие с общим уровнем развития демократических институтов или состоятельности, могут, благодаря разным периодам своей истории в анализируемых временных рамках, входить в разные сочетания групп стран, описанные ниже. Так, например, государство, политический режим которого в ходе исследуемого периода трансформировался в разные периоды как в сторону демократии, так и в сторону авторитаризма, могло испытывать падение уровней государственной состоятельности на про-

тяжении всего рассматриваемого временного отрезка: в этом случае это государство является иллюстрацией как к случаям падения состоятельности при авторитарных режимах, так и к случаям падения состоятельности при демократиях.

В первую очередь, эмпирическое подтверждение находит распространенный в современной литературе аргумент о сильной и *положительной корреляции демократичности режима и состоятельности* государства: такие страны, как США, Канада, Великобритания, Ирландия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Швейцария, Германия, Австрия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Австралия, Новая Зеландия, Франция, Испания, Португалия, Италия, Греция, Кипр, Чили, Тайвань, Республика Корея, Япония, Ботсвана, Маврикий, Словения, Эстония, Венгрия, Чехия, Польша, Латвия, Литва и Словакия одновременно демонстрируют демократический (разной степени) политический режим и высокие уровни государственной состоятельности (тоже разной степени) в течение всего анализируемого периода.

Вместе с тем рассмотрение группы государств с несовершенной демократией (около 7 по стандартизованному от 0 до 10 индексу) заставляет сохранить сомнения в линейности и универсальности этой корреляции. Такие, например, государства, как Гайана, Эквадор, Гондурас, Никарагуа, Бенин, Мадагаскар, Гамбия, Гана и Молдова при всей относительной демократичности режима, но уступающей лидерам соответствующего индекса, *гораздо менее состоятельны* и, что самое важное, не демонстрируют при этом положительной динамики по этому критерию.

Вопрос, напрямую вытекающий из анализа и постулирования любой корреляции – кроется ли за этой корреляцией та или иная причинно-следственная связь? В поисках возможных и хотя бы частичных ответов на этот наиболее интригующий в контексте рассмотрения взаимосвязей государственной состоятельности и политического режима вопрос мы далее рассматриваем другие сочетания исследуемых траекторий. В частности, тезис о том, что формирование демократических институтов и укрепление государственной состоятельности могут *положительно развиваться параллельно друг другу*, подтверждается на траекториях развития таких государств из совершенно различных регионов мира, как Доминиканская Республика, Сальвадор, Панама, Тринидад и Тобаго, Коста-Рика, Боливия, Уругвай, Ямайка, Бразилия, Перу, Намибия,

Джибути, Алжир, Нигер, Коморские острова, Мозамбик, Малави, Мали, Замбия, Кабо-Верде, Ботсвана, Маврикий, ЮАР, Лесото, Сенегал, Гвинея-Бисау, Ливан, Бутан, Таиланд, Фиджи, Словакия, Югославия (Сербия и Черногория), Босния и Герцеговина, Польша, Латвия, Литва, Монголия. Все они осуществляли как переход к более демократическим формам политического режима, так и одновременно повышение уровня своей состоятельности.

Примеров государств, в которых демократические преобразования (впрочем, очень разной степени успешности) происходили *без укрепления государственной состоятельности или даже при ее снижении*, также достаточно много – среди них Аргентина, Венесуэла, Буркина-Фасо, Танзания, Либерия, Сьерра-Леоне, Бурунди, Кения, Нигерия, Индонезия, Индия, Непал, Бангладеш, Филиппины, Израиль, Болгария, Румыния, Россия в первой половине 1990-х годов, Армения. Поскольку за исключением Аргентины, Болгарии, Румынии, Израиля (а также частично России, Армении и Венесуэлы) изначальный уровень государственной состоятельности в этих странах был достаточно низок, можно сделать предварительный вывод о том, что пример этих стран не подтверждает распространенный в исследовательской литературе тезис о более-менее высокой государственной состоятельности как обязательном предварительном условии для демократии (того или иного уровня) и / или демократизации.

Далее, полученные эмпирические данные показывают, что авторитарные режимы в большинстве своем обладают *более низкой государственной состоятельностью*, нежели демократические, и во-вторых, в большинстве случаев при отсутствии более-менее демократических институтов положительной динамики государственной состоятельности ожидать тоже не приходится. Такие «эталонные» недемократические режимы в исследуемый период, как, например, Куба, Судан, Сомали, Эфиопия, Чад, Мавритания, Гамбия, Египет, Иран, Ирак, Афганистан, Мьянма, КНДР и Таджикистан, отличаются низкими уровнями государственной состоятельности, хотя и в разной степени (у Египта, Кубы, Ирана и Мавритании они несколько выше).

Есть, однако, и примеры своего рода «аномалий»: так, Марокко, Иордания, Тунис и Габон при недемократичности своих политических режимов достигают уровней государственной состоятельности несколько выше среднего по этой группе. Более того,

несколько стран – Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Кувейт, Саудовская Аравия, Бахрейн и Сингапур – при авторитарности политических режимов обладают относительно высокими уровнями государственной состоятельности. Эти примеры, как и примеры стран с несовершенной демократией, не достигших и сколько-нибудь высоких уровней государственной состоятельности, заставляют вновь усомниться в линейном характере исследуемой корреляции характеристик политического режима государства и его состоятельности.

Динамика государственной состоятельности в авторитарных или авторитаризирующихся странах представляет собой примечательную картину. В части соответствующих государств она, действительно, *отрицательная* – так происходило или происходит, к примеру, в Свазиленде, Кот-д’Ивуаре, Центрально-Африканской Республике, Ливии, Сирии, Лаосе, Йемене, Бангладеш, Саудовской Аравии, Бахрейне, Пакистане, Таиланде, Узбекистане, Туркменистане, Кыргызстане. Однако в других государствах, почти столь же многочисленных, наблюдается прямо противоположная тенденция – *относительный рост государственной состоятельности* при недемократичном или авторитаризирующемся режиме. В этой логике происходило развитие, например, Уганды, Руанды, Анголы, Экваториальной Гвинеи, Республики Конго, Камбоджи, Китая, Вьетнама и Азербайджана.

Выявляется также и отдельная группа государств – те, в которых режимные изменения в авторитарном направлении (хотя и разной степени) не сопровождались ни в момент их «старта», ни впоследствии, значимыми изменениями уровней государственной состоятельности. К таким государствам относятся Россия в 2000-е годы., Армения, Венесуэла, Гамбия. Нахождение подобного глубокого различия в исходах трансформаций близких друг к другу в изначальных ситуациях государств заставляет обратиться к поиску причин, его обусловивших, и искать их, в том числе, в акторно ориентированных, а не структурных факторах развития государств и политических режимов. Подробный ответ на данный вопрос – предмет других, более специализированных будущих исследований.

При более детальном изучении гибридных (в разных пониманиях) режимов в контексте рассматриваемой нами проблематики анализ позволяет выделить две группы – гибридные режимы с *положительной* динамикой состоятельности (в их числе Гватемала,

Колумбия, Папуа – Новая Гвинея, Турция, Албания, Грузия) и режимы с динамикой состоятельности *отрицательной* (в их числе Мексика, Парагвай, Малайзия, Шри-Ланка, Украина). Как и в предыдущем случае, на данном уровне анализа можно только предположить влияние более глубинных, в том числе акторно ориентированных факторов на процессы демократизации и государственного строительства в этих странах, после чего оставить это в качестве предмета для дальнейшего изучения.

В дальнейших исследованиях стоит сосредоточиться и на том выявленном нами эмпирически обстоятельстве, что *режимная нестабильность*, как ни парадоксально, *слабо связана с уровнями государственной состоятельности*. Государства, характеристики политического режима в которых серьезно менялись за исследуемый период, по крайней мере, несколько раз, разделяются на две группы по динамике своей состоятельности: положительной (Соломоновы острова, Камерун) и отрицательной (Гаити, Зимбабве). Таким образом, говорить об обусловленности динамики государственной состоятельности режимной стабильностью (как можно было бы предположить, опираясь на примеры наиболее состоятельных – и «успешных» – демократий и автократий) также не приходится.

Проведенный эмпирический анализ позволяет в общем и целом подтвердить аргумент о возможности параллельных процессов демократизации и повышения государственной состоятельности. Удастся это, впрочем, далеко не всегда, о чем свидетельствует достаточно большое число государств, осуществивших демократизацию без повышения государственной состоятельности. Последний факт свидетельствует против распространенной в современной литературе точки зрения о примате государственности и государственной состоятельности, необходимых для движения к демократии. Подвергаются большим сомнениям также и соображения о том, что недемократические или неустойчивые режимы не могут добиваться повышения уровней государственной состоятельности – обилие примеров, как подтверждающих, так и опровергающих данные тезисы, заставляет отложить их и обратить внимание в дальнейших исследованиях на иные факторы, обуславливающие успех или неуспех действий недемократических, неустойчивых и гибридных режимов по повышению государственной состоятельности.



## Заключение и перспективы дальнейших исследований

Проблематика государственной состоятельности остается сегодня в центре интенсивных политологических дискуссий. Различные варианты эмпирических индикаторов, предлагаемых для ее измерения и сравнительной межстрановой оценки, обусловлены существующими различиями в подходах к концептуализации этого многомерного феномена. В соответствии с конкретным исследовательским дизайном государственная состоятельность может выступать в качестве как зависимой, так и независимой и инструментальной переменной. Предлагаемые в современных сравнительных исследованиях эмпирические индикаторы (в том числе используемые «прокси-переменные») государственной состоятельности отражают три ее основных концептуальных компонента – фискально-экономический, административно-бюрократический и военно-принудительный – или, иными словами, имеющиеся у государства ресурсы, с одной стороны, и институты, используемые для осуществления государственной политики в различных общественных сферах – с другой.

Проведенный нами эмпирический анализ подтверждает зафиксированную в литературе общую позитивную корреляцию между характеристиками политического режима и уровнями государственной состоятельности. Вместе с тем мы показываем, что эта корреляция не является линейной, здесь есть существенные «аномалии», которые должны стать предметом дальнейшего углубленного исследования.

Нынешнее состояние исследований не позволяет, к нашему сожалению, установить сколько-нибудь четкие направления каузальной зависимости между компонентами и измерениями государственной состоятельности и связанными с ней эффектами в социально-экономической и политической областях. В частности, это относится к крайне важному и актуальному вопросу о взаимосвязи государственной состоятельности и режимных изменений, в том числе наиболее оптимальной (с точки зрения достижения желаемых идеальных результатов) последовательности процессов государственного строительства и демократизации. Вместе с тем имеющиеся эмпирические данные, в том числе представленные выше, свидетельствуют в пользу *возможности синхронизации* этих процессов как наиболее оптимального варианта их сочетания,

не исключającego, впрочем, и другие. Также можно довольно уверенно говорить о возможностях продвижения к демократии без сильной государственной состоятельности и повышения состоятельности государств с недемократическими политическими режимами.

В перспективных исследованиях представляется важной дальнейшая концентрация аналитических усилий на углубленной концептуализации государственной состоятельности и ее компонентов, а также вытекающих из этого эмпирических индикаторов. В разрезе эмпирических сравнений перспективными направлениями могли бы стать расширение анализируемых временных рядов, глубинное изучение различных стратегий повышения уровня государственной состоятельности в разных странах и режимах, в том числе в схожих условиях, а также исследование эффектов не только самой государственной состоятельности как единого концепта, но и ее компонентов.

### Список литературы

- Ильин М.В.* Суверенитет: Вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2005. – № 4. – С. 10–28.
- Мелешкина Е.Ю.* Исследования государственной состоятельности: Какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 2. – С. 9–27.
- Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К.* Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 4. – С. 83–105.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г.* Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 8–30.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г.* «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 125–142.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полуниин, Н.И. Тимофеев. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Adizes I.* The ideal executive: Why you cannot be one and what to do about it: A new paradigm for management. – Santa Barbara, CA, 2004. – Mode of access: [http://www.adizes.com/wp-content/uploads/The\\_Ideal\\_Executive\\_Sample\\_CH.pdf](http://www.adizes.com/wp-content/uploads/The_Ideal_Executive_Sample_CH.pdf) (Дата посещения: 25.07.2016).

- Bäck H., Hadenius A. Democracy and state capacity: Exploring a J-shaped relationship // Governance. – L., 2008. – Vol. 21, N 1. – P. 1–24.
- Berman S. The Vain hope for «correct» timing // Journal of Democracy. – Baltimore, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 14–17.
- Besley T.J., Kudamatsu M. Making Autocracy Work // Institutions and economic performance / E. Helpman (ed.). – Harvard: Harvard univ. press, 2009. – P. 452–510.
- Besley T., Persson T. State capacity, conflict, and development // Econometrica. – N.Y., 2010. – Vol. 78, N 1. – P. 1–34.
- Besley T., Persson T. The origins of state capacity: Property rights, taxation, and politics // The American economic review. – Pittsburgh, 2009. – Vol. 99, N 4. – P. 1218–1244.
- Boix C., Svolik M.W. The foundations of limited authoritarian government: Institutions, commitment, and power-sharing in dictatorships // The Journal of Politics. – Chicago, 2013. – Vol. 75, N 2. – P. 300–316.
- Bolt J., Zanden J.L. The Maddison project: Collaborative research on historical national accounts // The Economic history review. – Glasgow, 2014. – Vol. 67, N 3. – P. 627–651.
- Bratton M., Chang E.C. C. State building and democratization in sub-saharan Africa forwards, backwards, or together? // Comparative political studies. – Thousand Oaks, 2006. – Vol. 39, N 9. – P. 1059–1083.
- Carbone G., Memoli V. Does democratization foster state consolidation? A panel analysis of the ‘Backward Hypothesis’: Unpublished paper – 2012. – Mode of access: [http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19\\_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf](http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf) (Дата посещения: 08.08.2016.)
- Cárdenas M. State capacity in Latin America // Economía. – Washington, 2010. – Vol. 10, N 2. – P. 1–45.
- Charron N., Lapuente V. Does democracy produce quality of government? // European journal of political research. – Hoboken, 2010. – Vol. 49, N 4. – P. 443–470.
- Cingranelli D.L., Richards D.L. The Cingranelli and Richards (CIRI) human rights data project // Human rights quarterly. – Baltimore, 2010. – Vol. 32, N 2. – P. 401–424.
- Clague C. Property and contract rights in autocracies and democracies // Journal of economic growth. – Berlin, 1996. – Vol. 1, N 2. – P. 243–276.
- D’Arcy M., Nistotskaya M. State first, then democracy: Using cadastral records to explain governmental performance in public goods provision. – Gothenburg, 2015. – Vol. 2015, N 11. – 30 p. (QoG Working Paper Series.)
- Data // The quality of government institute. – 2015. – Mode of access: <http://qog.pol.gu.se/data> (Дата посещения: 06.08.2016.)
- Edin M. State capacity and local agent control in china: CCP cadre management from a township perspective // The China Quarterly. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – Vol. 173. – P. 35–52.
- Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the state back in. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1985. – 404 p.
- Feenstra R.C., Inklaar R., Timmer M.P. The next generation of the penn world table // The American economic review. – Pittsburgh, 2015. – Vol. 105, N 10. – P. 3150–3182.
- Fjelde H., De Soysa I. Coercion, co-optation, or cooperation? State capacity and the risk of civil war, 1961–2004 // Conflict management and peace science. – Thousand Oaks, 2009. – Vol. 26, N 1. – P. 5–25.

- Fortin J.* A tool to evaluate state capacity in post-communist countries, 1989–2006 // European journal of political research. – Hoboken, 2010. – Vol. 49, N 5. – P. 654–686.
- Fortin J.* Is there a necessary condition for democracy? The role of state capacity in postcommunist countries // Comparative political studies. – Thousand Oaks, 2012. – Vol. 45, N 7. – P. 903–930.
- Fortin-Rittberger J.* Exploring the relationship between infrastructural and coercive state capacity // Democratization. – L.: Taylor & Francis, 2014. – Vol. 21, N 7. – P. 1244–1264.
- Global country status overview, FIW 1973–2015 // Freedom House. – 2015. – Mode of access: [https://freedomhouse.org/sites/default/files/Global\\_Country\\_Status\\_Overview\\_1973-2015.pdf](https://freedomhouse.org/sites/default/files/Global_Country_Status_Overview_1973-2015.pdf) (Дата посещения: 07.08.2016.)
- Frye T.* Building states and markets after communism: the perils of polarized democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 314 p.
- Fukuyama F.* Liberalism versus state-building // Journal of democracy. – Baltimore, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 10–13.
- Fukuyama F.* State-building: Governance and world order in the 21 st century. – Ithaka: Cornell univ. press, 2004 a. – 160 p.
- Fukuyama F.* The imperative of state-building // Journal of Democracy. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 2004 b. – Vol. 15, N 2. – P. 17–31.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and the survival of autocrats // Comparative Political Studies. – Thousand Oaks, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Gehlbach S.* Representation through taxation. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 216 p.
- Gennaioli N., Voth H.J.* State capacity and military conflict // The Review of economic studies. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – Vol. 82, N 4. – P. 1409–1448.
- Guriev S., Treisman D.* How modern dictators survive: an informational theory of the new authoritarianism. – Cambridge: National bureau of economic research, 2015. – N 21136. – 46 p. – (NBER Working Paper).
- Haber S.* Authoritarian government // The Oxford handbook of political economy / B. Weingast, D. Wittman (eds.). – Oxford, 2006. – P. 693–707.
- Halperin M.H., Siegle J.T., Weinstein M.M.* Why democracies excel // Foreign Affairs. – N.Y., 2004. – Vol. 83, N 5. – P. 57–71.
- Hanson J.K.* Democracy and state capacity: complements or substitutes? // Studies in comparative international development. – Berlin, 2015. – Vol. 50, N 3. – P. 304–330.
- Hanson J.K., Sigman R.* Leviathan's latent dimensions: measuring state capacity for comparative political research // APSA 2013 Annual meeting paper. – 2013. – Mode of access: [http://www-personal.umich.edu/~jkhanson/resources/hanson\\_sigman13.pdf](http://www-personal.umich.edu/~jkhanson/resources/hanson_sigman13.pdf) (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Hendrix C.S.* Measuring state capacity: theoretical and empirical implications for the study of civil conflict // Journal of peace research. – Thousand Oaks, 2010. – Vol. 47, N 3. – P. 273–285.
- Huntington S.P.* Political order in changing societies. – New Haven: Yale univ. press, 1968. – 512 p.

- Institutional Profiles Database III // Presentation of the Institutional Profiles Database.– 2009. – Mode of access: <http://www.cepii.fr/institutions/EN/ipd.asp> (Дата посещения: 04.08.2016.)
- International Country Risk Guide Researchers Dataset // The PRS Group.–2007. – Mode of access: <https://www.prsgroup.com/about-us/our-two-methodologies/icrg> (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* The Worldwide Governance Indicators: methodology and analytical issues // Hague journal on the rule of law. – Hague, 2011. – Vol. 3, N 2. – P. 220–246.
- Kjær M., Hansen O.H., Thomsen J.P.F.* Conceptualizing state capacity // Democracy, the state and administrative reforms, DEMSTAR report. – Nicosia, 2002. – Mode of access: <http://documents.mx/documents/conceptualizingstatecapacity-hensen-e-thomsen.html> (Дата посещения: 06.08.2016.)
- Knutsen C.H., Nygård H.M.* Institutional characteristics and regime survival: Why are semi-democracies less durable than autocracies and democracies? // American journal of political science. – Hoboken, 2015. – Vol. 59, N 3. – P. 656–670.
- Kuthy D.* The effect of state capacity on the survival of new democratic regimes // APSA 2010 Annual Meeting Paper. – 2010. – Mode of access: [http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=1643525](http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1643525) (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Levitsky S., Way L.A.* Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the Cold War. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 536 p.
- Linz J.J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins univ. press, 1996. – 504 p.
- MacLaren M.* «Sequentialism» or «gradualism»? On the transition to democracy and the rule of law /WP 38. National Center of Competence in Research: Challenges to Democracy in the 21 st Century. – Bern: Swiss national science foundation, 2009. – Mode of access: <http://www.nccr-democracy.uzh.ch/publications/workingpaper/pdf/wp38.pdf> (Дата посещения: 06.08.2016.)
- Mann M.* The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // European journal of sociology. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1984. – Vol. 25, N 02. – P. 185–213.
- Mansfield E.D., Snyder J.L.* The sequencing «fallacy» // Journal of democracy. – Baltimore, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 5–10.
- Marshall M.G.* Polity IV project, political regime characteristics and transitions, 1800–2015 / Center for systemic peace. – 2016 b. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4v2015.xls> (Дата посещения: 05.08.2016.)
- Marshall M.G.* Major episodes of political violence (MEPV) and conflict regions, 1946–2015. – 2016 a. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/MEPVcodebook2015.pdf> (Дата посещения: 06.08.2016.)
- Mazzuca S.L., Munck G.L.* State or democracy first? Alternative perspectives on the state-democracy nexus // Democratization. – L., 2014. – Vol. 21, N 7. – P. 1221–1243.
- McGuire J.W.* Political regime and social performance // Contemporary Politics. – L., 2013. – Vol. 19, N 1. – P. 55–75.

- Melville A., Stukal D., Mironyuk M.* Trajectories of regime transformation and types of stateness in post-communist countries // *Perspectives on European politics and society*. – L.: Taylor & Francis, 2013. – Vol. 14, N 4. – P. 431–459.
- Migdal J.S.* Strong societies and weak states: state-society relations and state capabilities in the Third World. – Princeton: Princeton univ. press, 1988. – 320 p.
- Møller J., Skaaning S.E.* Stateness first? // *Democratization*. – L., 2011. – Vol. 18, N 1. – P. 1–24.
- Nettl J.P.* The state as a conceptual variable // *World politics*. – Cambridge, 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559–592.
- O'Donnell G., Schmitter P.C., Whitehead L.* Transitions from authoritarian rule: comparative perspectives. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1986. – 208 p.
- Olson M.* Dictatorship, democracy, and development // *American political science review*. – Cambridge, 1993. – Vol. 87, N 3. – P. 567–576.
- Ottervik M.* Conceptualizing and measuring state capacity. – Gothenburg, 2013. – Vol. 2013, N 20. – 39 p. – (QoG Working Paper Series).
- Political atlas of the modern world / A. Melville (ed.)*. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2010. – 256 p.
- Roberts C., Sherlock T.* Bringing the russian state back in: explanations of the derailed transition to market democracy // *Comparative politics*. – N.Y., 1999. – P. 477–498.
- Roller E.* Comparing the performance of autocracies: issues in measuring types of autocratic regimes and performance // *Contemporary politics*. – L.: Taylor & Francis, 2013. – Vol. 19, N 1. – P. 35–54.
- Rose R., Shin D.* Democratization backwards: the problem of third-wave democracies // *British journal of political science*. – Cambridge, 2001. – Vol. 31, N 2. – P. 331–354.
- Rotberg R.I.* The challenge of weak, failing, and collapsed states // *Leashing the dogs of war*. – Washington, DC: United States Institute for Peace, 2007. – P. 83–94.
- Rustow D.A.* Transitions to democracy: toward a dynamic model // *Comparative politics*. – N.Y., 1970. – Vol. 2, N 3. – P. 337–363.
- Scheuerman W.E.* Postnational democracies without postnational states? Some skeptical reflections // *Ethics & Global politics*. – Stockholm, 2009. – Vol. 2, N 1. – P. 41–63.
- Schmitter P., Wagemann C., Obydenkova A.* Democratization and state capacity // *Paper for X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administracion Publica*. – Santiago, Chile, 2005. – Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/clad/clad0052201.pdf> (Дата посещения: 05.08.2016.)
- Singer J.D., Bremer S., Stuckey J.* Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965 // *Peace, war, and numbers / B. Russett (ed.)*. – Thousand Oaks, 1972. – 352 p.
- Slater D.* Can Leviathan be democratic? Competitive elections, robust mass politics, and state infrastructural power // *Studies in comparative international development (SCID)*. – Berlin, 2008. – Vol. 43, N 3–4. – P. 252–272.
- Soifer H.* State infrastructural power: approaches to conceptualization and measurement // *Studies in comparative international development (SCID)*. – Berlin, 2008. – Vol. 43, N 3–4. – P. 231–251.

- Soifer H., Vom Hau M.* Unpacking the strength of the state: the utility of state infrastructural power // *Studies in comparative international development (SCID)*. – Berlin, 2008. – Vol. 43, N 3–4. – P. 219–230.
- Spruyt H.* The sovereign state and its competitors: An analysis of systems change. – Princeton: Princeton univ. press, 1996. – 304 p.
- Svolik M.W.* The politics of authoritarian rule. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – 258 p.
- Tansey O.* Democratization without a state: democratic regime-building in Kosovo // *Democratization*. – L., 2007. – Vol. 14, N 1. – P. 129–150.
- The logic of political survival / B. Bueno de Mesquita, A. Smith, R. Siverson, J. Morrow. – Cambridge; L.: Cambridge univ. press, 2003. – 550 p.
- The performance of nations / J. Kugler, R.L. Tammen (eds). – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 2012. – 348 p.
- Thies C.G.* Of rulers, rebels, and revenue: state capacity, civil war onset, and primary commodities // *Journal of peace research*. – Thousand Oaks, 2010. – Vol. 47, N 3. – P. 321–332.
- Thompson W.R., Ganguly S.* Ascending India and its state capacity. – New Haven: Yale univ. press, 2016. – 352 p.
- Tilly Ch.* Coercion, capital, and European states, AD 990–1990. – Cambridge: Basil Blackwell, 1990. – 288 p.
- Tilly Ch.* Democracy. – Cambridge, N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 248 p.
- Tilly Ch., Ardant G.* The formation of national states in Western Europe. – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – 711 p.
- Transformation index BTI 2016 // Bertelsmann Stiftung. – Mode of access: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/unsere-projekte/transformationindex-bti/> (Дата посещения: 25.07.2016.)
- Weede E.* Political regime type and variation in economic growth rates // *Constitutional political economy*. – Dordrecht, 1996. – Vol. 7, N 3. – P. 167–176.
- Wintrobe R.* The tinpot and the totalitarian: an economic theory of dictatorship // *American political science review*. – Cambridge, 1990. – Vol. 84, N 3. – P. 849–872.